

Д.А. Бестолков

**«Я – ПОЭТ... ОБ ЭТОМ И ПИШУ»:
В.В. МАЯКОВСКИЙ О ПОЭТИЧЕСКОМ ТРУДЕ**

В статье рассматриваются художественные оценки В.В. Маяковского, которые он в разные годы давал поэтическому труду. Проводится сопоставительный анализ его наследия и произведений А.С. Пушкина, М.Ю. Лермонтова, Н.А. Некрасова с целью поиска у писателей эстетически близких взглядов на роль поэта в обществе. Согласно представ-

© Бестолков Д.А., 2014

ивать завораживающее воздействие на аудиторию силой таланта, но и, говоря языком А.С. Пушкина, «глаголом жечь сердца людей». Подобное предположение помогает найти следы «пророческого» влияния классика русской литературы в целом ряде произведений автора. О пророческой миссии поэта писал и М.Ю. Лермонтов, его самоощущение было переосмыслено В.В. Маяковским в образе лирического героя. Сложность поднятых художником социальных проблем показывает, что гражданский пафос его стихотворений и поэм сформировался под влиянием поэзии Н.А. Некрасова. В заключении работы автор приходит к выводу, что В.В. Маяковским осмыслен поэтический труд в духе великих русских писателей как творческое служение родине и народу. Данное обстоятельство не только подчеркивает масштаб причастности его наследия к отечественной поэтической традиции, но и позволяет говорить о национальном характере художественного мышления поэта.

В.В. Маяковский, русская литература, лирический герой, поэт, пророк, творческое сознание автора.

В отечественном литературоведении тема отношения В.В. Маяковского к поэтическому труду является одной из самых изученных¹ и это понятно, поскольку вопрос о том, что значит быть поэтом, занимает в произведениях

---

¹ Об этом свидетельствуют работы: Перцов В.О. Маяковский. Жизнь и творчество (до Великой Октябрьской социалистической революции). М. : Советский писатель, 1951. 448 с. ; Метченко А.И. Творчество Маяковского 1917–1924. М. : Советский писатель, 1954. 640 с. ; Машбиц-Веров И.М. Поэмы Маяковского. Куйбышев : Кн. изд-во, 1960. 310 с. ; Мелик-Нубаров С.О. «Я знаю слов набат...». Творчество Маяковского. М. : Просвещение, 1980. 176 с. ; Михайлов А.А. Мир Маяковского: взгляд из восьмидесятых. М. : Современник, 1990. 464 с. ; Вайскопф М.Я. Во весь голос: религия Маяковского. М. ; Иерусалим : Саламандра, 1997. 175 с. ; Полехина М.М. Художественные искания в русской поэзии первой трети XX века. М. Цветаева и В. Маяковский. Художественная космогония. М. : Прометей, 2002. 304 с. ; Печоров Г.М. Маяковский и XXI век: этический кодекс чести, эстетика и поэтика в его творчестве / МГОПУ. М. : Альфа, 2003. 388 с. ; Владимир Маяковский и его традиции в поэзии: исследования. М. : Литера, 2005. 214 с. ; Спивак Р.С. Русская философская лирика. 1910-е годы. И. Бунин, А. Блок, В. Маяковский. М. : Флинта : Наука, 2005. 408 с. ; Творчество В.В. Маяковского в начале XXI века. Новые задачи и пути исследования. М. : ИМЛИ РАН, 2008. 800 с. ; Дядичев В.Н. Жизнь Маяковского. Верить в революцию. М. : Алгоритм, 2013. 448 с.

писателя одно из главных мест. Современные маяковеды также обращаются к указанному исследовательскому ракурсу и традиционно останавливают внимание на творческих связях поэта с классиками, однако лишь немногие из них делают при этом очевидный вывод о своеобразии истока этих связей – «долгие годы необходимость говорить о русской национальной основе его (Маяковского. – Д.Б.) творчества ретушировалась»². Более того, «в недавние годы... многие предпочитали такие характеристики поэта, которые как бы исключали его принадлежность именно к русской поэзии»³. Хотя принадлежность эта, безусловно, очевидна, ибо «доминантным качеством поэтического искусства Маяковского... является присутствие в его художественном сознании опыта русской классики»⁴.

Частая профессиональная самоидентификация по сути является одной из отличительных черт творческого стиля Владимира Маяковского. Это в полной мере доказывает его автобиография «Я сам» (1922, 1928): «Я – поэт. Этим и интересен. Об этом и пишу»⁵. Говорится об этом и в самых ранних стихотворных произведениях художника (с предельно трагической интонацией), в частности провозглашается и в трагедии 1913 года, названной его именем «Владимир Маяковский»:

С небритой щеки площадей
стекая ненужной слезою,
я,
быть может,
последний поэт. (Т. 1, с. 153)

Каноничным в русской литературе стало определение поэтического труда как пророческого служения. Начало этому было положено стихотворением А.С. Пушкина «Пророк» (1826). Метафора, заложенная в названии произведения, «трансформировалась в эстетический манифест непреходящего значения, следуя основополагающим положениям которого русская литература и получила особое духовно-нравственное наполнение»⁶.

Как труп в пустыне я лежал,
И бога глас ко мне воззвал:
«Восстань, пророк, и виждь, и внемли,
Исполнись волею моей,
И, обходя моря и земли,

---

² Терёхина В.Н. Экспрессионизм в русской литературе первой трети XX века. Генезис. Историко-культурный контекст. Поэтика. М. : ИМЛИ РАН, 2009. С. 152.

³ Там же. С. 160–161.

⁴ Ушаков А.М. Маяковский – вчера и сегодня (вместо предисловия) // Творчество В.В. Маяковского в начале XXI века: новые задачи и пути исследования. М. : ИМЛИ РАН, 2008. С. 29.

⁵ Маяковский В.В. Я сам // Полн. собр. соч. : в 13 т. М., 1955–1961. Т. 1. С. 9. Далее цитаты приводятся по данному изданию с указанием тома и страницы в тексте.

⁶ Мирошников В.А. «Пророк» А.С. Пушкина как эстетическая программа русской литературы // Литература в школе. 2008. № 5. С. 3.

Глаголом жги сердца людей», –

писал поэт, ощущая груз ответственности, возложенной на него всевышним создателем⁷. Подхватив этот «эстетический манифест», В.В. Маяковский развил «пушкинское понимание жизни в новых исторических условиях»⁸, и тогда похожее чувство ответственности перед всем миром, чувство долга – выполнить то, что предназначено, – выкристаллизовалось и в его творческом сознании:

«Я
в долгу
перед Бродвейской лампией,
перед вами,
багдадские небеса,
перед Красной Армией,
перед вишнями Японии –
перед всем,
про что
не успел написать» (Т. 7, С. 125), –

громогласно заявил он в «Разговоре с фининспектором о поэзии» (1926). Заметим, что труд поэта в упомянутом стихотворении, хотя и «утверждался родственным любому другому труду», но в итоге «оказывался, тем не менее, чем-то особым в силу своей изначальной гибельности»⁹ («Поэзия – / та же добыча радия»), характеризовался как выматывающее занятие, способное отнять значительный ресурс жизненных сил («Машину / души / с годами изнашиваешь»). Бесспорно, осознание этого пришло к художнику еще в 1914–1915 годах: «...оказывается – / прежде чем начнет петься, / долго ходят, размозолев от брожения, / и тихо барахтается в тине сердца / глупая вобла воображения» (Т. 1, с. 181; «Облако в штанах»). Однако только опыт прожитых лет помог ему обрести истинную цель творческих устремлений: «Конечно, / почтенная вещь – рыбачить. / Вытащить сеть. / В сетях осетры б! / Но труд поэтов – почтенней паче – / людей живых ловить, а не рыб» (Т. 2, с. 18; «Поэт рабочий», 1918). Как видим, «глупая вобла» превращается в сакральный символ христианства – рыбу, а поэт становится пророком¹⁰. Таким образом, наученный быть «ловцом человеков», Маяковский указал на главную задачу поэта – не просто оказывать завораживающее воздействие на аудиторию силой таланта, но и, говоря языком А.С. Пушкина, «глаголом жечь сердца людей»:

Изводишь
единого слова ради

---

⁷ Пушкин А.С. Пророк: («Духовной жаждою томим...») // Соч. : в 3 т. М. : Художественная литература, 1985. Т. 1. С. 385.

⁸ Фарбер Л.М. Советская литература первых лет революции (1917–1920). М. : Высшая школа, 1968. С. 225.

⁹ Мусатов В.В. Пушкинская традиция в русской поэзии первой половины XX века / РГГУ. М., 1998. С. 159.

¹⁰ Терёхина В.Н. Экспрессионизм в русской литературе первой трети XX века. С. 157.

тысячи тонн
                        словесной руды.
Но как
                        испепеляюще
  слов этих жжение
рядом
                        с тлением
  слова-сырца.
Эти слова
                        приводят в движение
тысячи лет
  миллионов сердца. (Т. 7, с. 121–122)

Очевидно, что следы «пророческого» влияния классика русской литературы присутствуют как в зрелом, так и в раннем творчестве художника, поскольку, «как бы ни иронизировал Маяковский по адресу художника-жреца, он не мог дезавуировать самого главного завоевания поэзии начала XX века – самоощущения поэта как духовного центра современности, что генетически восходило к Пушкину и ни к кому иному»¹¹. В этой связи представляется невозможным согласиться с утверждением известного маяковсковеда К.Г. Петросова о том, что в лирическом герое упомянутого стихотворения «Поэт рабочий» «нет ничего, что напоминало бы поэта-пророка». Безусловно, в произведении отсутствуют «мотивы избраннического возвышения над толпой, трагического одиночества, жертвенного подвига». Однако вместе с тем лирический герой Маяковского все же *идет* по пути пушкинского пророка, когда говорит о самоценности поэтического слова, о том, что оно должно призывать «к делу». А его признание «Мы равные. / Товарищи в рабочей массе. / Лишь вместе / вселенную мы разукрасим / и маршами пустим ухать» (Т. 2, с. 91) свидетельствует не только о том, «что в новой действительности подлинно революционный поэт занимает равное место в общем ряду свободных тружеников молодой Советской республики»¹², но и, главное, подчеркивает причастность художника к общему делу переустройства мира, которое утверждалось им еще в призыве 1917 года в стихотворении «Революции. Поэтохроника»:

Граждане!
Сегодня рушится тысячелетнее «Прежде»,
Сегодня пересматривается миров основа.
Сегодня
до последней пуговицы в одежде
жизнь переделаем снова. (Т. 1, с. 136)

---

¹¹ Мусатов В.В. Пушкинская традиция в русской поэзии первой половины XX века. С. 150.

¹² Петросов К.Г. Творчество В.В. Маяковского (о русской поэтической традиции и новаторстве). М. : Высшая школа, 1985. С. 80.

Таким образом, для творческого сознания В.В. Маяковского пушкинская «сверхзадача» – «обходя моря и земли, / глаголом жечь сердца людей» – оставалась актуальной на протяжении всего творческого его пути: «Я / полпред стиха – / и я / с моей страной / вашим штатишкам / бросаю вызов» – заявил он, пребывая на американской земле («Вызов», т. 7, с. 73).

О пророческой миссии поэта писал и М.Ю. Лермонтов, однако, поднимая эту тему, он говорил, прежде всего, о судьбе пророка, идущего к людям с открытым сердцем: «Провозглашать я стал любви / И правды чистые ученья: / В меня все ближние мои / Бросали бешено камень»¹³ («Пророк», 1841). Что-то похожее видел и испытывал лирический герой «Облака в штанах» каждый раз, когда оставался со своими слушателями лицом к лицу:

Это взвело на Голгофы аудиторий
Петрограда, Москвы, Одессы, Киева,
и не было ни одного,
который
не кричал бы:
«Распни,
распни его!» (Т. 1, с. 184)

Как справедливо отметил К.Г. Петросов, «нельзя не почувствовать известной общности позиций и внутренней близости этого образа лермонтовскому гонимому поэту»¹⁴. По-другому, скорее всего, быть не могло, ведь герой поэмы – тоже пророк, который видит «идущего через горы времени, / которого не видит никто». Безусловно, «лирическому герою Маяковского присущи чрезвычайная активность и максимализм»¹⁵, поскольку поэт, по мысли В.В. Маяковского, «народа водитель / и одновременно – / народный слуга» (Т. 7, с. 123); по этой причине в его художественном мире «собака бьющую руку лижет».

Возвращаясь к стихотворению М.Ю. Лермонтова «Пророк», уместным будет подчеркнуть, что созданный им образ поэта получил дальнейшее развитие в творчестве Н.А. Некрасова. «Лермонтовское чувство гражданской скорби, – подчеркивал Ф.Я. Прийма, – было присуще Некрасову»¹⁶, который, добавив со своей стороны, оставил в русской литературе особенное понимание главной задачи поэта:

Будь гражданин! служа искусству,
Для блага ближнего живи,
Свой гений подчиняя чувству

---

¹³ Лермонтов М.Ю. Пророк («С тех пор как вечный судия...») // Соч. : в 2 т. М., 1988. Т. 1. С. 224. Далее это издание цитируется в тексте с указанием в круглых скобках тома и страницы.

¹⁴ Петросов К.Г. Творчество В.В. Маяковского (о русской поэтической традиции и новаторстве). С. 60.

¹⁵ Терёхина В.Н. Экспрессионизм в русской литературе первой трети XX века. С. 169.

¹⁶ Прийма Ф.Я. Некрасов и русская литература. Л. : Наука. Ленингр. отд-ние, 1987. С. 114.

провозглашал некрасовский Гражданин, голос которого – это «голос совести автора» ¹⁸. Похожих убеждений вполне мог придерживаться и В.В. Маяковский: разгадав творческую тайну предназначения поэтического труда, он открыто и прямо говорил о служении художника людям. Называя себя «пролетарием духа» («Поэт рабочий»), а поэзию – «одним из труднейших производств» («Как делать стихи?», 1926), Маяковский подчеркивал собственную причастность к жизни граждан не только своей страны, но и всего мира:

И все
поверх зубов вооруженные войска,
что двадцать лет в победах
пролетали,
до самого
последнего листка
я отдаю тебе,
планеты пролетарий. (Т. 10, с. 282–283)

«Поверх зубов вооруженные войска» – это произведения писателя, его стихи, поэмы, пьесы, статьи. «Сравнение поэзии с оружием в поэме «Во весь голос», – пишет И.Ю. Подгаецкая, – подчеркнуто тенденциозно, ибо оно выражает точку зрения поэта на творчество как действенную, активную силу» ¹⁹. Вероятно, эта метафора В.В. Маяковского, родилась под влиянием поэзии М.Ю. Лермонтова. Классик русской литературы, сравнивая судьбу поэта, упивающегося благополучием, с судьбой кинжала, не покидающего ножен, и, побуждая своего героя к тому, чтобы его стихи звучали, «как колокол на башне вечевой / Во дни торжеств и бед народных», вопрошает:

Проснешься ль ты опять, осмеянный пророк!
Иль никогда, на голос мшенья,
Из золотых ножен не вырвешь свой клинок,
Покрытый ржавчиной презренья?.. (Т. 1, с. 173)

Похожие взгляды на роль и предназначение поэта в обществе были и у Владимира Маяковского. Так, выступая на втором расширенном пленуме правления Российской ассоциации пролетарских писателей в сентябре 1929 года, он подчеркивал, что в творчестве необходимо «найти тематику, которая интересуется весь Совет-

---

¹⁷ Некрасов Н.А. Поэт и гражданин // Полн. собр. соч. и писем : в 15 т. Л., 1981–2000. Т. 2. С. 9.

¹⁸ Прийма Ф.Я. Некрасов и русская литература. С. 130.

¹⁹ Подгаецкая И.Ю. Поэтика гражданственности // Маяковский и современность / сост. А. Ушаков. М. : Современник, 1977. С. 323.

ский Союз» (Т. 12, с. 392). Именно этим объясняется и тот особый масштаб, и то большое количество проблем, нашедших отражение в его наследии.

Возвращаясь к вопросу о приобщенности художественного метода Маяковского к традициям русской литературы, заметим, что эта приобщенность просматривается не только через пафос его поэтики в целом, но и в художественном осмыслении отдельных социальных проблем, когда автор, двигаясь по намеченной траектории, в некоторых случаях прямо намекал на творческую параллель. Именно так обстоит дело с его стихотворением «Размышления у парадного подъезда» (1928), которое несет в себе прямую тематическую связь с известным одноименным произведением Н.А. Некрасова (1858).

Трепетно и с большой ответственностью относясь к поэтическому служению народу, Н.А. Некрасов в своем стихотворении указал на равнодушие высокопоставленных особ к проблемам беднейшего сословия и выступил защитником его интересов. Позицию заступника рядовых граждан избрал и Маяковский. Призывая к борьбе с бюрократической рутинной («Рабочий, – / зовём: / – Помоги! / Пора / распутать наш аппарат!»), он подчеркивал, что сознание людей должно усвоить новую истину:

Внедряйся
в сознание масс,
рассвирепевших от хождения:
учреждение для нас,
а
не мы для учреждения! (Т. 9, с. 262)

Роль «оратора и трибуна проходит через всю поэзию Некрасова и придает многим его стихам характер торжественной риторики»²⁰. Как это видно на приведенном примере, нечто похожее наблюдается и в художественном мире В.В. Маяковского.

Обобщив наблюдения над поэтикой А.С. Пушкина, Н.А. Некрасова, В.В. Маяковского, Б.М. Эйхенбаум пришел к очень точному, на наш взгляд, заключению: «...история поставила перед Маяковским задачу огромной важности и трудности. Он должен был изменить не только поэзию, но и самое представление о ней и о поэте, что было, пожалуй, еще труднее»²¹. В результате художник выступил создателем «новой поэтической личности, нового поэтического Я, ведущего к Пушкину и Некрасову и снимающего их историческую противоположность, которая была положена в основу деления на «гражданскую» и «чистую» поэзию»²².

Таким образом, труд поэта осмысливался В.В. Маяковским в духе великих русских писателей как творческое служение (служение через искусство) родине и народу. Это обстоятельство, на наш взгляд, не просто свидетельствует о масштабе причастности наследия поэта к отечественной литературной традиции, но и позво-

---

²⁰ Эйхенбаум Б.М. О поэзии. Л. : Советский писатель, 1969. С. 57.

²¹ Там же. С. 302.

²² Там же. С. 304.

ляет говорить о национальном характере его художественного мышления, которое, как справедливо отметила В.Н. Терёхина, уходит «в глубокую подпочву русской национальной культуры и национальной жизни»²³.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Лермонтов, М.Ю. Соч. [Текст] : в 2 т. – М. : Правда, 1988. – Т. 1. – 720 с.
2. Маяковский, В.В. Полн. собр. соч. [Текст] : в 13 т. – М. : Художественная литература, 1955–1961. – Т. 1. – 464 с. ; Т. 2. – 520 с. ; Т. 7. – 535 с. ; Т. 9. – 611 с. ; Т. 10. – 384 с. ; Т. 12. – 716 с.
3. Мирошников, В.А. «Пророк» А.С. Пушкина как эстетическая программа русской литературы [Текст] // Литература в школе. – 2008. – № 5. – С. 2–4.
4. Мусатов, В.В. Пушкинская традиция в русской поэзии первой половины XX века [Текст] / РГГУ. – М., 1998. – 483 с.
5. Некрасов, Н.А. Полн. собр. соч. и писем [Текст] : в 15 т. – Л. : Наука, 1981–2000. – Т. 2. – 446 с.
6. Петросов, К.Г. Творчество В.В. Маяковского (о русской поэтической традиции и новаторстве) [Текст]. – М. : Высшая школа, 1985. – 151 с.
7. Прийма, Ф.Я. Некрасов и русская литература [Текст]. – Л. : Наука. Ленингр. отд-ние, 1987. – 263 с.
8. Подгаецкая, И.Ю. Поэтика гражданственности [Текст] // Маяковский и современность / сост. А. Ушаков. – М. : Современник, 1977. – С. 314–333.
9. Пушкин, А.С. Соч. [Текст] : в 3 т. – М. : Художественная литература, 1985. – Т. 1. – 735 с.
10. Терёхина, В.Н. Экспрессионизм в русской литературе первой трети XX века. Генезис. Историко-культурный контекст. Поэтика [Текст] : моногр. / ИМЛИ РАН. – М., 2009. – 320 с.
11. Ушаков, А.М. Маяковский – вчера и сегодня (вместо предисловия) [Текст] // Творчество В.В. Маяковского в начале XXI века: новые задачи и пути исследования / ИМЛИ РАН. – М., 2008. – С. 7–38.
12. Фарбер, Л.М. Советская литература первых лет революции (1917–1920) [Текст]. – М. : Высшая школа, 1968. – 255 с.
13. Эйхенбаум, Б.М. О поэзии [Текст]. – Л. : Советский писатель, 1969. – 552 с.

REFERENCES

1. Lermontov, M.U. *Sochineniya v 2 tomakh* [Text] [Works in 2 volumes]. – Moscow : The Truth, 1988. – Vol. 1. – 720 p.
2. Mayakovskiy, V.V. *Polnoye sobraniye sochineniy v 13 tomakh* [Text] [The Complete Works in 13 volumes]. – Moscow : Fiction, 1955–1961. – Vol. 1. – 464 p. ; Vol. 2. – 520 p. ; Vol. 7. – 535 p. ; Vol. 9. – 611 p. ; Vol. 10. – 384 p. ; Vol. 12. – 716 p.
3. Miroshnikov, V.A. «Prorok» A.S. Pushkina kak esteticheskaya programma russkoy literatury [Text] [A.S. Pushkin's "The prophet" as an aesthetic program of Russian literature] // Literature in school. – 2008. – № 5. – P. 2–4.

---

²³ Терёхина В.Н. Экспрессионизм в русской литературе первой трети XX века. С. 160.

4. Musatov, V.V. *Pushkinskaya traditsiya v russkoy poezii pervoy poloviny XX veka* [Text] [Pushkin's tradition in Russian poetry of the first half of the twentieth century] // RGGU. – Moscow, 1998. – 483 p.
5. Nekrasov, N.A. *Polnoye sobraniye sochineniy i pisem v 15 tomakh* [Text] [Complete Works and Letters]. – Leningrad : Science, 1981–2000. – Vol. 2. – 446 p.
6. Petrosov, K.G. *Tvorchestvo V.V. Mayakovskogo (o russkoy poeticheskoy traditsii I novatorstve)* [Text] [V.V. Mayakovsky's creativity (about the Russian poetic tradition and innovation)]. – Moscow : High School, 1985. – 151 p.
7. Priyma, F.Ya. *Nekrasov i russkaya literature* [Text] [Nekrasov and Russian literature]. – Leningrad : Science, 1987. – 263 p.
8. Podgayetskaya, I.Yu. *Poetika grazhdanstvennosti* [Text] [The poetics of citizenship] / Sostavitel' A. Ushakov // *Mayakovskiy i sovremennost'* [Mayakovsky and modernity]. – Moscow : Contemporary, 1977. – P. 314–333.
9. Pushkin, A.S. *Sochineniya* [Text] : v 3 tomakh [Works in 3 volumes]. – Moscow : Fiction, 1985. – Vol. 1. – 735 p.
10. Terokhina, V.N. *Ekspressionizm v russkoy literature pervoy treti KHKH veka. Genesis. Istoriko-kul'turnyy kontekst. Poetika* [Text] [Expressionism in Russian literature of the first third of the twentieth century. Genesis. Historical and cultural context. Poetics] / IMLI RAN. – Moscow, 2009. – 320 p.
11. Ushakov, A.M. *Mayakovskiy – vchera i segodnya (vmesto predisloviya) / Tvorchestvo V.V. Mayakovskogo v nachale XX veka: novyye zadachi i puti issledovaniya* [Text] [Mayakovsky – yesterday and today (instead of Foreword) // Creativity V.V. Mayakovsky at the beginning of the XX century: new challenges and exploring] / IMLI RAN. – Moscow, 2008. – 7–38 p.
12. Farber, L.M. *Sovetskaya literatura pervykh let revolyutsii (1917–1920)* [Text] [Soviet literature of the first years of the revolution (1917–1920)]. – Moscow : High School, 1968. – 255 p.
13. Eykhenbaum, B.M. *O poezii* [Text] [About Poetry]. – Leningrad : Soviet writer, 1969. – 552 p.

D.A. Bestolkov

«I AM A POET... THAT IS WHAT I WRITE ABOUT»: V.V. MAYAKOVSKY ABOUT POETRY

The article analyzes V.V. Mayakovsky's artistic assessment of poetry. The author performs a comparative analysis of V.V. Mayakovsky's A.S. Pushkin's, M.Yu. Lermontov's, and N.A. Nekrasov's poetic heritage in order to see whether the poets hold similar views on an artist's role in society. According to V.V. Mayakovsky, a poet's main task is not just to inspire his fellow creatures with his talent, but, as A.S. Pushkin puts it, «to burn with his Word the human hearts». We can trace A.S. Pushkin's «prophetic» influence in many poetic works by V.V. Mayakovsky. M.Yu. Lermontov's ideas about a poet's mission are interpreted by V.V. Mayakovsky in the image of his lyrical hero. The complexity of social problems touched upon by the poet shows that his social attitude is shaped by N.A. Nekrasov's poetry. The article maintains that, working within the framework of Russian poetic tradition, V.V. Mayakovsky treats poetry as an artistic mission, as a service to his Motherland and his people.

lyrical hero, poet, prophet, Russian literature, creative consciousness.

